

УДК 94 (575)

О степени вовлеченности суфийских лидеров в политическую жизнь Мавераннахра XVI в.

А. Э. Исмоилов,

*Казанский федеральный университет,
г. Казань, Республика Татарстан,
Российская Федерация*

Sufi leaders' involvement in the political life of Mawarannahr in the 16th century

L. E. Ismoilov,

*Kazan Federal University,
Kazan, the Republic of Tatarstan,
the Russian Federation*

Аннотация

В статье рассматривается степень вовлеченности суфийских лидеров в политическую жизнь Мавераннахра XVI в. После захвата Мавераннахра узбекскими кочевыми племенами и установления династии Шейбанидов в регионе, постепенно между шейбанидскими правителями и местными лидерами суфийских братств складывались тесные взаимоотношения. По ряду важных религиозных, политических и общественных вопросов между ними появились точки соприкосновения и взаимодействие. Соблюдение принципа социальной справедливости (адолат) в стране было основным требованием суфийских лидеров к шейбанидским правителям. Сами суфийские лидеры, с целью воплощения этого принципа в жизнь, придерживались правила химаят (социальная защита). Степень вовлеченности суфийских шейхов в шейбанидскую придворную жизнь выражалась в их активном участии в миротворческих миссиях между конфликтующими шейбанидскими правителями. Данная статья написана на основе персоязычных письменных памятников житийного и исторического характера, которые хранятся в рукописных фондах Таджикистана и Узбекистана. Некоторые из этих памятников переведены на русский язык. Цель данной работы заключается в раскрытии роли и места лидеров суфийских братств Накшбандия, Кубравия и Джахрия (Яссавия) в придворной жизни Шейбанидского государства. Задача автора состоит в изложении формы реализации принципа химаята; участии суфийских лидеров в улаживании внутридинастических конфликтов.

Abstract

The article deals with the Sufi leaders' involvement in the political life of Mawarannahr in the 16th century. After the seizure of Mawarannahr by Uzbek nomadic tribes and start of reign of the Shaybanids dynasty in the region, gradually close relations between Shaybanid rulers and local Sufi leaders were formed. Areas of common interest appeared between them regarding religious, political, and social issues. The main claim of Sufi leaders to Shaybanid rulers was the observance of the social justice principle (Adolat) in the country.

The Sufi leaders themselves adhered to the rules of the Himayat (social protection) to put this principle into practice. The degree of involvement of Sufi sheikhs in the Shaybanid court life was expressed in their active participation in peacemaking between the conflicting Shaybanid rulers. This article is based on the Persian written hagiographical and historical artefacts kept in manuscript collections of Tajikistan and Uzbekistan. Some of these written pieces are translated into Russian. The goal of the present work is to provide insight into the role and place of the leaders of the Sufi brotherhoods of Naqshbandiyya, Kubravia, and Jahriya (Yassavia) in the court life of the Shaybanid state. The author's task is to describe the forms of the Himayat principle implementation and participation of Sufi leaders in resolving of intra-dynastic conflicts.

Ключевые слова

Политическая жизнь, суфийские братства, письмо, придворная жизнь, Мавераннахр, Шейбаниды, миротворческая миссия.

Keywords

Political life, Sufi brotherhoods, letter, court life, Mawarannahr, the Shaybanids, peacekeeping mission.

Первые десятилетия истории Мавераннахра XVI в. ознаменовали уход династии Тимуридов с политической арены региона и установление в нем новой династии – Шейбанидов, из числа узбекских кочевых племен. Между новыми хозяевами страны и лидерами суфийских братств Мавераннахра постепенно установились разные формы взаимоотношений и взаимодействия. Эти разносторонние связи со специфичными нюансами нашли отражение и в различных жанрах письменного наследия того периода, более всего – в мусульманских агиографических сочинениях (манакибах) и в трудах придворных историков.

Судя по содержанию сведений, содержащихся в указанных жанрах письменных источников, причины и степень вовлеченности различных суфийских братств в политическую жизнь государства Шейбанидов и их активность в ней были разными. В соответствии с правилами житийной литературы, почти во всех манакибах отдельная глава посвящена встрече суфийского шейха с правителями того периода или обмену письмами между ними. В частности, в манакибе «Джодат-ул-ошикин» (Широкая дорога любящих истину)¹, посвященном известному лидеру кубравийского братства шейху Хусейну Хорезми (умер в 1551 г.), отдельная глава – «Изложение встречи и переписки, которые произошли с правителями времени» (Дар баен-и мулокот ва макулот-е, ки бо подшоҳон-и он аср шуда) – посвящена общению шейха с правителями того периода. Эта глава сочинения еще раз документально подтверждает вовлеченность братства Кубравия в политическую жизнь региона.

Другим признаком участия суфийских лидеров в политической жизни страны является частый обмен письмами между ними и правителями. Написание писем было традицией в мусульманском обществе, начиная с эпохи Пророка, и суфийские шейхи также подражали ей. Известные шейхи отправляли письма разным правителям и региональным политическим лидерам. Переписка с правителями могла осуществляться и в стихотворной форме: суфийские шейхи отправляли правителю стихи и получали аналогичный ответ. Манакибы содержат образцы этой переписки в поэтической и прозаической форме. Об этом, в частности, свидетельствует переписка вышеуказанного шейха Хусейна Хорезми и шейбанида Убайдуллы-хана (умер в 1540 г.). Переписка раскрывает духовный авторитет, место и влияние конкретного суфийского шейха на общественно-политическую жизнь страны.

Исторические сведения указывают на высокую степень вовлеченности лидеров другого суфийского братства – Накшбандия в придворную жизнь Шейбанидов,

хотя представители остальных братств тоже проявляли активность в этом вопросе. Действительно, поиски контактов с правителями являются отличительной чертой деятельности суфиев братства Накшбандия, в отличие от внешней деятельности представителей других тарикатов. В этом вопросе у Накшбандия в прошлом был накоплен богатый опыт, начиная с деятельности основателя братства – Баха уд-дина Накшбанда (умер в 1389 г.), который имел доступ ко двору правителя своей эпохи. Его преемники придерживались такой же линии поведения.

Как свидетельствуют житийные и исторические материалы, в течение XV в. в государстве Тимуридов наиболее видные представители Накшбандия являлись наставниками правителей. В этой связи известно, что накшбандийский суфий Амир Кулол (умер в 1370 г.) имел весьма дружественные отношения с Амиром Тимуром (умер в 1405 г.). Другой влиятельный накшбандийский шейх, Ходжа Мухаммад Парса (умер в 1419 г.), был доверенным лицом тимурида Шохруха (умер в 1447 г.). Ходжа Ахрор Вали (умер в 1490 г.) находился под покровительством тимурида Абусаида (умер в 1469 г.). Соперничество тимуридских правителей иногда приводило к тому, что некоторые эмиры и их наследники враждовали и ненавидели какого-либо суфийского шейха, дружившего с их соперником.

В исследуемый период накшбандийские лидеры также продолжали эту традицию. И здесь можно ограничиться одним примером. Известный представитель братства Накшбандия Ходжа Ислам Джуйбари (умер в 1563 г.), судя по сведениям агиографического сочинения «Саадия» (Посвящение Ходже Сааду Джуйбари)², активно участвовал в политической жизни страны в период усиления сепаратизма. Отдельный параграф в другом агиографическом сочинении исследуемого периода – «Матлаб-ут-толибин» (Благородная цель, которою ищут ученики)³ – посвящен письмам и переписке (муросилот ва мукотибот) Ходжи Ислама Джуйбари с другими правителями: с правителем Кашгара – Абд ал-Рашид-ханом и Абд ал-Карим-ханом, с правителями Ташкента – Дарвеш-ханом и Баба-ханом, с правителями Хорезма – Али Султаном и Ходжам-ханом и другими. Эти исторические факты в достаточной мере показывают интенсивность контактов между суфийскими шейхами и тогдашними правителями.

Как явствует из сведений манакибов, Ходжа Ислам Джуйбари имел репутацию покровителя и заступника города Бухары. По мнению известного придворного историка Хафиза Таныша Бухари (умер в 1590 г.), Ходжа Ислам Джуйбари – кибла жителей Бухары. Одним из признаков вовлеченности Ходжи Ислама в политическую жизнь было его покровительство неимущим, опальным людям (номурод) из разных социальных пластов, которые обращались к нему за помощью и заступничеством. Такая деятельность вполне соответствовала принципу химаята (социальная защита). Этот принцип означал строгое соблюдение принципа справедливости (адолат). Активно исполняя этот принцип, Ходжа Ислам и другие суфийские шейхи вовлекались в политическую жизнь страны.

В общественное служение суфийского шейха входила обязанность устранения этой социальной тревоги. Как вытекает из содержания манакиба, суфийские шейхи стремились не допустить деспотизм и притеснения со стороны конкретного правителя и указывали ему справедливый путь.

Химаят спланировал общество на основе общей заинтересованности оседлого населения в отпоре хищническому ограблению народа⁴. Как рассказывает автор вышеуказанного житийного произведения «Саадия», бухарский шейх Ходжа Ислам Джуйбари, применяя принцип «химаята» защищал простых, бедных людей,

пострадавших от мошенников, насильников, представителей государственной администрации. В неустойчивой общественно-политической обстановке того времени, слабые и беззащитные слои городского населения нуждались в помощи и покровительстве. Собственно принцип покровительства, в широком смысле слова, в эпоху политического хаоса и при дезорганизованном обществе приобретает особое, но противоречивое значение в разных сферах жизни. В изучаемый период в сферу высокого покровительства были вовлечены разные категории населения, подчас с противоречивыми интересами. В этом контексте следует упомянуть взаимоотношения известного феодала Мира Араба и Ходжи Низама, везиря Шейбанидов. Ходжа Низам в своей деятельности всегда пользовался покровительством Мира Араба, хотя не всегда удачно⁵.

С позиции суфизма, принцип химаят отражал жизненную позицию сильного человека по отношению к слабому. Если кто-то из сильных мира сего забирал что-либо у бедняков, то суфийский шейх давал пострадавшим барана, верблюда или другое имущество в эквивалентном соотношении. Вероятно, среди населения отсутствовало имущественное право. Осуждая действия эксплуататоров, суфий одновременно напоминал им: «Берегите то, что имеете, и не забирайте у народа его хлеб и пропитание». Он подкреплял силу своего назидания угрозой Страшного суда Божьего.

Принципа химаята также придерживались в своих действиях и другие известные суфийские лидеры того времени. В связи с этим известный историк Хафиз Таныш Бухари следующим образом характеризует действия известного представителя ясса-вийского братства Касим-шейха Азизон (умер в 1581 г.): «Он постоянно прилагал старания для ликвидации долгов султану, не допускал притеснения [от] сборщиков податей для дивана и препятствовал их действиям, способствовал благоустройству страны, оказывал помощь простому народу и знатым лицам. Помощь его святей-шества доходила до различных уголков мира ...»⁶. Соблюдение принципа химаята вынуждало суфийских шейхов активно вмешиваться в различные политические, гражданские, административные и уголовные дела.

Эти примеры демонстрируют заметный рост влияния суфийских шейхов при Шейбанидах. Суфийский шейх обычно приобретал влияние на правителя через личные контакты. Предпосылки к любопытной истории влияния суфийского шейха на ханский двор были разные. Каждое заметное событие в стране – восшествие на престол нового правителя, появление на свет ханских детей и другие семейные традиции (обрезание, наречение имени), завоевание новых территорий и прочие – сопровождалось встречами с эмирами, султанами, представителями духовенства, а также с суфийскими шейхами, и одариванием всех их богатыми подарками. Правители из династии Шейбанидов при каждом удобном случае старались выразить уважение местным суфийским шейхам и оказать им поддержку. Роль лидера суфийского братства обеспечивала шейху авторитет, доверие и рычаги влияния.

Механизм вовлечения суфийских авторитетов в придворную жизнь осуществлялся разными путями. Допустим, для рутинной встречи правителя, возвращавшегося в город после очередной поездки, выходили заранее подготовленные известные представители богословских кругов, казии, люди сайидского происхождения, а также известные суфии. Таким образом, кроме богословов, в придворную жизнь были вовлечены и лидеры суфийских братств. Другими причинами вовлеченности суфийских лидеров могли служить важные придворные события (по мнению авторов сочинений): болезнь правителя, придворное литературное собрание,

встреча в мечети, встреча во время религиозных праздников и так далее. Кроме того, как отмечают исследователи, важным фактором тесной связи суфийских лидеров с шейбанидскими правителями являлись также место суфийских шейхов в обществе и их существенная роль в экономике⁷. Между правителем и суфийским шейхом всегда существовали, как минимум, несколько точек соприкосновения позиции и интересов, которые могли способствовать их сближению.

В большинстве случаев сами шейбанидские правители являлись инициаторами встреч с известными суфийскими авторитетами. Они часто приглашали к себе суфийских лидеров. Частые встречи правителя с суфийским шейхом, в большинстве случаев, возводили последнего в сан влиятельного религиозного и общественного деятеля или, по крайней мере, еще более укрепляли его позиции в обществе. Например, шейбанид Убайдулла-хан во время своих хоросанских походов, находясь в Мешхеде, узнал, что кубравийский шейх Хусейн Хорезми находится в местности Хубушан (горная местность в нишапурском вилайете, современный иранский город Кучан), и пригласил его к себе. Таким образом состоялась их встреча. Обычно процессом сближения управляла персона более высокого ранга. И вероятно ход и тематику их бесед определял именно сам правитель. Притом правитель имел решающее слово при регулировании степени взаимоотношений с суфийским шейхом. В ряде случаев ожидание суфийского шейха при взаимоотношении с правителем не оправдывалось. Фундамент, лежащий в основе взаимоотношений правителя и суфийского шейха, отличался относительной прочностью.

Один из признаков вовлеченности суфийских авторитетов в политическую жизнь страны – это частое упоминание в исследуемой житийной литературе темы «миротворчество суфийского шейха» в период правления представителей дома Шейбанидов. Позиция известного суфийского шейха, безусловно, соответствовала прошлой истории и традиции суфизма, где суфийский шейх играл не только духовную, но и политическую роль. Данная тема почти всегда присутствует во всех манакибах XVI в., и подчас в разных вариантах. Этот момент имел место также в житийной и придворной литературе эпохи Тимуридов, где главными переговорщиками о мире выступает известный накшбандийский шейх Ходжа Ахрар Вали (умер в 1489 г.).

Автор житийного произведения «Саадия» назидательным тоном пишет, что десять дервишей мирно спят на одном ковре, а двое правителей не уживаются на земле. Несомненно, автор жития намекал на сепаратистские устремления некоторых правителей династии Шейбанидов и на их последствия – долгие и изнурительные внутрдинастические войны. Манакибы и исторические хроники той эпохи (в частности, сочинение Хафиза Таныша Бухари «Шараф-нама-йи шахи») пестрят сведениями об участии религиозных деятелей, в частности, известных суфийских лидеров, в миротворческих процессах. К примеру, автор житийного сочинения «Сиродж-ус-соликина ва латоиф-ул-орифин» (Светоч шествующим по пути к истине и тонкие выражения познавших ее), посвященного известному накшбандийскому шейху Мавлану Лутфулло Чусту (умер в 1573 г.), констатирует, что, когда в Гиссаре началась борьба за региональный престол, она спровоцировала братоубийственную войну между претендентами-Шейбанидами: Абд ал-Музаффаром, Ваккасом Султаном и Султаном Музаффаром. В сложившейся обстановке мюриды настойчиво просили Мавлана Лутфулло Чусту выполнить миссию дипломата и помирить враждующие стороны, так как аналогичную задачу выполнял в свое время Ходжа Ахрар Вали. В этих делах был очень важен выбор человека, который должен был вести сложные переговоры и уметь сглаживать острые углы противостояния, учитывая при этом

непредсказуемое поведение кочевых узбеков. Выбор такого человека позволял наладить определенный диалог даже в непростой ситуации. Хотя дипломатия той поры была весьма церемонной и несовершенной, и в ней доминировали, в основном, религиозные постулаты, однако, при посредничестве и частной инициативе Мавлана Лутфулло Чусты, который пользовался непререкаемым авторитетом в регионе, гиссарские султаны, наконец, заключили перемирие и установили мир⁸. Он, по всей видимости, нашел приемлемую формулу для заключения мира. Однако этот мирозидательный акт не явился длительным и созидательным процессом, а носил кратковременный характер. Противоборствующие стороны нередко соглашались на неудобные компромиссы, которые не имели устойчивого будущего. Собственно, когда противоборствующие стороны заключали мир, то он всегда оказывался непрочным, ибо сами обещания и клятвы кочевых узбеков были неискренними.

После удачного окончания дипломатической миссии стороны соблюдали особый этикет: каждый участник, в зависимости от собственного авторитета и влияния, а также от вклада в мирозидательный процесс, получал многочисленные дары и почетные халаты. Но нередко случались и неприятные встречи, и случаи оскорбления суфийского шейха во время переговоров, о которых часто рассказывается в манакибах. Осуществлялись ли, кроме того, параллельно с миротворческой миссией, со стороны суфийских шейхов гуманитарные акции – освобождение военнопленных, оказание реальной помощи раненым, пострадавшим и прочее, – об этом письменные источники молчат.

Собственно, истинно религиозный человек призван к тому, чтобы быть миротворцем, а не политиком, который разъединяет людей и народы. Активное участие суфийских лидеров в политической жизни означало непереносимое их соприкосновение с интригой, обманом и изменой. Судя по сведениям манакибов, некоторые суфийские лидеры (Ходжа Ислам Джуйбари), ради политической целесообразности, не брезговали использовать эти методы.

Далее, как свидетельствуют материалы вышеуказанного сочинения Хафиза Таныша Бухари «Шараф-нама-йи шахи», другие известные суфийские лидеры тоже активно участвовали в мирных переговорах. Вероятно, официальные власти, используя суфийских шейхов в качестве переговорщиков, преследовали цель применить так называемую «мягкую силу». Хафиз Таныш Бухари приводит следующий пассаж об участии яссавийского суфия Касим-шейха Азизона (умер в 1581 г.) в мирных переговорах: «Сочувственно относясь к положению народа и заботясь о безопасности страны, государства, он встал на путь заключения мира»⁹. Поскольку смысл приятных слов его святейшества был направлен к благу и добру, конфликтующие стороны принимали его предложение. Упрочению славы Касим-шейха Азизона способствовали постоянные внутридинастические распри Шейбанидов, многие представители которых часто прибегали к его духовному заступничеству.

Аналогичную миротворческую функцию успешно выполнял Ходжа Ислам Джуйбари в Бухарском оазисе, а также в Хорезме, где он вероятно имел большое влияние на местные соперничающие силы.

Кроме того, почти во всех исследуемых манакибах циркулирует вездесущая тема «правитель и его плохое окружение», которая тоже свидетельствует о высокой степени вовлеченности суфийских лидеров в политику и сложности их взаимоотношений со двором. Автор манакиба создает миф о хорошем правителе и плохих чиновниках. Внешняя, спокойная видимость взаимоотношений суфийского лидера с ханским двором скрывает реальное положение дел. Обычно, если правитель

времени относился к суфийскому шейху доброжелательно или, в крайнем случае, нейтрально, то позиция какого-нибудь его высокопоставленного чиновника всегда бывала недружелюбной. Это было признаком многомерности прежнего общества, который демонстрировал, что если в одних кругах суфийский лидер имел высокий социальный статус, то в других его авторитет мог быть значительно ниже.

По этому поводу можно привести следующий рассказ автора агиографического произведения «Зийа ал-кулуба» (Сияние сердец)¹⁰, посвященного известному накшбандийскому шейху Ходже Исхаку Вали (умер в 1599 г.). Гиссарский правитель-шейбанид Хашим Султан был приверженцем шейха Ходжи Исхака Вали. Последний, будучи в Балхе, получил письмо-приглашение от гиссарского правителя. Когда он приехал в город, встретить его вышли первые лица, и некоторую часть пути его несли в паланкине.

Хашим Султан каждый раз приходил пешком, чтобы навестить шейха. Однако его регент (аталык), чиновник по имени Абдол, враждовал с шейхом и, несмотря на запреты правителя, распространял о нем разные неприятные слухи и клевету с целью опорочить его. Абдол приложил немало усилий, чтобы свести к минимуму влияние суфийского шейха на наследника. Автор манакиба не объясняет мотивов и причин нападков аталыка на Ходжу Исхака. В реальности, речь здесь идет о соперничестве Ходжи Исхака и аталыка за влияние на правителя, за сферу влияния при дворе. Присутствие Ходжи Исхака при дворе гиссарского хана было нежелательным для аталыка. Трудно объяснить, что стоит за враждебностью высокого чиновника в отношении Ходжи Исхака. Вероятно, суфийский шейх боролся за правителя с точки зрения доступа и влияния. Возможно, этот суфийский лидер был из тех влиятельных людей, которые вызывали уважение, страх и ненависть, и могли стать инициаторами многих изменений.

Аталык проявлял сильно выраженное чувство враждебности и агрессивное поведение по отношению к Ходже Исхаку Вали. Но выражалось это не в форме физического воздействия, а вербально. Ходжа Исхак терпел оскорбления, но ничего не мог себе позволить в ответ. Высокий чиновник поощрял к оскорблениям Ходжи Исхака и других, правда, безрезультатно. Автор манакиба сильно демонизирует личность этого чиновника, не раскрывая или, может быть, не зная подлинной сути происходящих событий. В манакибе шейх Ходжа Исхак описан как человек, который может совершать сверхъестественные действия в ответ на недостойное поведение противника. В результате из-за этого конфликта аталык погибает. Гибель врага описывается в произведении в разных вариантах. Описание такого явления, как «конфликт суфийского шейха с окружением правителя», присутствует также и в других рассматриваемых манакибах.

Другой сюжет с аналогичным содержанием читатель находит в вышеуказанном агиографическом сочинении «Сиродж-ус-соликин ва латоиф-ул-орифин» (Светоч шествующим по пути к истине и тонкие выражения познавших ее). В данном сочинении события разворачиваются в резиденции ташкентского правителя-шейбанида Барак-хана (умер в 1556 г.). Несмотря на запреты этого правителя, его высокопоставленный чиновник по имени Султан Ибрахим допускал оскорбительные выпады и сильно выраженное чувство враждебности по отношению к Мавлану Лутфулло Чусту. Последний, несмотря на полученную эмоциональную травму, как обычно, проявил невозмутимость и спокойствие.

Судьба этого чиновника была печальной. Позже он был убит одним из приближенных Мавлана Чусту. Когда настал момент расплаты, убийца проявил

нерешительность, но вдруг появился Его Святейшество (Мавлан Чусты) и побудил его к действию. Данный житийный эпизод свидетельствует, что суфийский лидер был хорошо осведомлен о придворной жизни и сам предлагал сценарии действия. По мнению автора манакиба, это было убийство ради чести и достоинства. Обычно заказчик убийства считал себя невинной жертвой. Это было уже новое толкование преступления и насилия. Погибает высокий ханский чиновник, однако в манакибах не сообщается о последствиях этого события и об ответной реакции властей по этому поводу. И другие письменные источники (в частности, придворная историография того времени) тоже не подтверждают и не опровергают сведения об этом инциденте.

Следует отметить, что в последнем эпизоде речь идет о заказном убийстве, эффект от которого – психологическое воздействие на определенную категорию людей. История средневековья свидетельствует, что заказные убийства совершались часто. В большинстве случаев они являлись эффективными из-за особенности организации социальной и политической структуры государства. Заказные политические убийства были способом продвижения политического или иного послания. При помощи заказного убийства и, одновременно, удачного выбора момента, автор манакиба хотел показать, что никто не застрахован от гнева суфийского шейха и не может быть неуязвимым. Хотя автор манакиба при описании момента убийства обычно указывает на случайный характер такого акта, однако фактически оно было хорошо продуманным делом. Что вдохновляло и побуждало учеников и приближенных шейха на индивидуальный террор? Скорее всего, они вдохновлялись непосредственными поручениями самого суфийского шейха. Таким образом, судя по сведениям манакибов, не исключено, что некоторые суфийские шейхи были сопричастны к разным сомнительным убийствам и смертям¹¹.

Особенность отражения данной темы в манакибах рассматриваемого периода заключается в том, что «плохое окружение» правителя выступает против суфийского шейха. Последний – символ справедливости. Окружение правителя оскорбляет шейха грубыми словами, допускает клевету в его адрес и тому подобное. Во время этих унижительных сцен он не теряет спокойствия и самообладания, сохраняет достоинство в ходе неприятного разговора. Часто оскорбление суфийского шейха плачевно заканчивается для его врагов. В конце концов, их убивает таинственный наемный убийца или сам правитель жестоко наказывает этих людей. Оскорбление суфийского шейха, посрамление его имени надолго не затягивается. Происходит быстрое восстановление его чести. Здесь житийный автор восторженно пишет об очередной победе шейха над своими врагами, которых, кстати, было немало в разных слоях общества. В некоторых местах манакиба враги шейха обозначены словом «мункирон» (отвергающие). Их гибель логично вписывается в контекст манакиба, ибо тот, кто выступает против суфийского шейха, однажды получает наказание. В этой житийной теме можно усмотреть также следы старой и известной формулы под названием «теория заговора». Эта теория, то есть «заговор против суфийского шейха», присутствует почти во всех манакибах исследуемой эпохи. Известно, что в «теорию заговора» чаще всего верят люди с повышенной тревожностью, подозрительно относящиеся к окружающим. Это заставляет читателя увидеть следы предвзятости у автора манакиба, хотя предпосылки появления данной теории зиждутся в кардинальном противопоставлении идеального, совершенного человека, в лице суфийского шейха, противоречивому, несовершенному обществу. Эта тема невольно напоминает известный тезис о «хорошей религии и дурных людях», извративших ее¹².

Авторы исследуемых нами манакибов, при изложении вопроса об участии суфийских лидеров в политической жизни страны, часто пренебрегают чувством меры и допускают излишества. Поэтому в житийных рассказах, при описании конкретного исторического события, лидеры суфийских братств становятся главными фигурантами дела, имеющими право решающего голоса. То есть, основное политическое или иное событие разворачивается вокруг их личности. Хотя стоит заметить, что влияние суфийских лидеров на ханский двор – понятие относительное и переменчивое. Агиографическая тема «правитель и его плохое окружение» ясно показывает, что влияние лидеров суфийских братств на правителей государства Шейбанидов не следует преувеличивать. Просто здесь описывается возможность суфийского лидера продемонстрировать особые взаимоотношения с правителями.

В отличие от авторов манакиба, авторы исторических хроник, независимо от их красноречия и занимательности стиля изложения, при обсуждении этих вопросов, в известной мере, соблюдают беспристрастие и объективность. Они в своих сведениях излагают последовательную хронологию взаимоотношений между шейбанидскими правителями и лидерами суфийских братств. Правда здесь стоит отметить еще тот факт, что если принимать только официальную версию событий и при этом не учитывать сведения других первоисточников, то выясняется, что подача исторических событий придворными историками постоянно меняется, в зависимости от политических или иных нужд правителя.

Таким образом, после захвата Мавераннахра кочевыми узбеками на рубеже XV-XVI вв., между ними и некоторыми известными суфиями произошли кровавые инциденты. Однако, несмотря на эти прискорбные события, столкновение суфийской традиции, в широком смысле слова, и новой политической реальности, где доминирующим компонентом стал узбекский кочевой элемент, в общем было мирно разрешено. И местные суфийские братства постепенно вовлекались в придворную политическую жизнь. Известно, что религиозные вопросы часто определяли политическое поведение Шейбанидов, и в то же время их политика диктовала развитие событий вокруг какого-либо острого религиозного вопроса или религиозной ситуации. И здесь суфизм и политика, которые на первый взгляд кажутся совсем несхожими понятиями, фактически удачно взаимодействовали в определенных сферах. Известные суфии, благодаря особой харизматичности и исключительному положению в обществе, оказывали ощутимое влияние на политическую жизнь региона. Однако нельзя прорисовывать взаимоотношения суфийских лидеров и правителей только в черно-белых тонах. Стремление суфийских шейхов к взаимодействию с властями не всегда означает близость их взглядов, однако это едва ли создавало трудности для Шейбанидов. Суфийские шейхи помогали шейбанидскому государству и, естественно, получали от этого выгоду, однако стоит также отметить, что другого выбора у них просто не было. По ряду вопросов между ними нередко возникали разногласия и непонимание. Не всегда ожидания суфийских лидеров оправдывались, хотя кажется, что они основывались, в первую очередь, на принципах шариата. И не всегда по определенным вопросам позиция суфийских шейхов брала верх. Об этом, в частности, свидетельствует тема «правитель и плохое окружение». Суфийские лидеры защищали собственные интересы и позиции, руководствовались в своей деятельности принципом «химаята».

В целом, в годы внутренней и внешней нестабильности, в период споров о престолонаследии и внутридинастических войн, местные шейбанидские правители, оказавшись в трудном положении, стремились делать все, чтобы показать

сакральность своей власти. Они старались доказать свою сакральность набожностью, добрыми богоугодными делами и религиозными ритуалами. Дополнительно к этому они желали установить контакты с известными суфийскими лидерами своей эпохи, найти у них духовно-религиозную или иную поддержку.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Шариф ад-дин Хусейн Хорезми*. Джодат-ул-ошикин (рукопись) // Национальная библиотека Таджикистана, инв. № 1838.
2. *Хусейн Серахси*. Саадия (рукопись) // Институт истории, археологии и этнографии им. Ахмада Дониша АН РТ, инв. № 109.
3. *Абу-л Аббас Мухаммад Толиб Сиддики*. Матлаб-ат-толибин (рукопись) // Институт истории, археологии и этнографии им. Ахмада Дониша АН РТ, инв. № 21.
4. *Джо-Анн Гросс*. Мусульманская Центральная Азия: религиозность и общество: Избранные статьи / Пер. с англ., ред. и пред. Л. Додхудоевой. – Душанбе, 2004. – С. 101-104.
5. *Болдырев А. Н.* Зайниддин Восифи. Таджикский писатель XVI века (опыт творческой биографии). – Душанбе: Адиб, 1989. – С. 89.
6. *Хафиз-и Таныш Бухари*. Шараф-нама-йи шахи / Пер., введ., примеч. и указания М. А. Салахетдиновой. – Москва, 1989. – Ч. II. – С. 237.
7. *Додхудоева Л.* Материалы по социально-политической истории Центральной Азии VIII – нач. XVI вв.: сборник очерков и статей. – Душанбе: ООО «Мастер-принт», 2011. – С. 159.
8. *Убайдулла Накибанди Самарканди*. Сиродж-ус-соликин ва латоиф-ул-орифин (рукопись) // Институт истории, археологии и этнографии им. Ахмада Дониша АН РТ, инв. № 113, л. 109 б.
9. *Хафиз-и Таныш Бухари*. – Указ. соч. – С. 32.
10. *Мухаммад Аваз*. Зийа ал-кулуб (рукопись) // Институт истории, археологии и этнографии им. Ахмада Дониша АН РТ, инв. № 122.
11. *Казаков Б.* Анонимное житие Ходжи Ахрара // Источниковедение и текстология средневекового Ближнего и Среднего Востока. Бартольдовские чтения 1981. – Москва, 1984. – С. 103-109.
12. *Наумкин В. В.* К вопросу о хасса и амма (традиционная концепция «элиты» и «массы» в мусульманстве) // Ислам в истории народов Востока. – Москва, 1981. – С. 48.

Список литературы

Болдырев А. Н. Зайниддин Восифи. Таджикский писатель XVI века (опыт творческой биографии). – Душанбе: Адиб, 1989. – 464 с.

Джо-Анн Гросс. Мусульманская Центральная Азия: религиозность и общество: Избранные статьи / Перевод с английского, редакция и предисловие Лолы Додхудоевой. – Душанбе, 2004. – 175 с.

Додхудоева Л. Материалы по социально-политической истории Центральной Азии VIII – нач. XVI вв.: сборник очерков и статей. – Душанбе: ООО «Мастер-принт», 2011. – 639 с.

Казаков Б. Анонимное житие Ходжи Ахрара // Источниковедение и текстология средневекового Ближнего и Среднего Востока. Бартольдовские чтения 1981. – Москва, 1984. – С. 103-109.

Наумкин В. В. К вопросу о хасса и амма (традиционная концепция «элиты» и «массы» в мусульманстве) // Ислам в истории народов Востока. – Москва, 1981. – С. 41-61.

Хафиз-и Таныш Бухари. Шараф-нама-йи шахи / Пер., введение, примеч. и указания М. А. Салахетдиновой. – Москва, 1989. – Ч. II. – 273 с.

References

Boldyrev A. N. *Zayniddin Vasifi. Tadzhikskiy pisatel' XVI veka (opyt tvorcheskoy biografii)* [Zayniddin Vasifi. Tadjik writer of the 16th century (creative biography)]. Dushanbe, Adib publ., 1989, 464 p.

Jo-Ann Gross. *Musulmanskaya Tsentralnaya Aziya: religioznost i obshchestvo: Izbrannye statyi* [Dodkhudoeva L. (ed., tran.) Islamic Central Asia: religiosity and society: selected works]. Dushanbe, 2004, 109 p.

Kazakov B. *Anonimnoe zhitie Hodzhi Ahrara* [Anonymous life of Khoja Ahror]. IN: *Istochnikovedenie i tekstologiya srednevekovogo Blizhnego i Srednego Vostoka. Bartoldovskie chteniya 1981* [Source studies and textology of the medieval Near and Middle East. Barthold Readings]. Moscow, 1984, pp. 103-109.

Dodkhudoeva L. *Materialy po sotsialno-politicheskoy istorii Tsentralnoy Azii VIII – nach. XVI vv.: sbornik ocherkov i statey* [Materials on the socio-political history of Central Asia of the 8th – early 16th century. Collection of essays and articles]. Dushanbe, ООО “Master-print” publ., 2011, 639 p.

Naumkin V. V. *K voprosu o khassa i amma (traditsionnaya kontseptsiya “elity” i “massy” v musulmanstve)* [Revisiting “khassa” and “amma” (the traditional concept of “elite” “and mass” in Islam)]. IN: *Islam v istorii narodov Vostoka* [Islam in the history of the peoples of the East]. Moscow, 1981, pp. 41-61.

Khafiz-i Tanysh Bukhari. *Sharaf-nama-yi shakhi* [Salakhedinova M. A. (ed.) The Book of Shah's Dignity]. Moscow, 1989, 230 p.

Сведения об авторе

Исмоилов Лутфулло Эшонович, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения, африканистики и исламоведения института международных отношений Казанского федерального университета, e-mail: ismoilov-62@mail.ru.

About the author

Lutfullo E. Ismoilov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at Department of Oriental, African and Islamic Studies of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, e-mail: ismoilov-62@mail.ru.

В редакцию статья поступила 10.04.2019 г., опубликована:

Исмоилов Л. Э. О степени вовлеченности суфийских лидеров в политическую жизнь Мавераннахра XVI в. // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2019. – № 3. – С. 116-126.

Submitted on 10.04.2019, published:

Ismoilov L. E. *O stepeni вовлеченности sufiyskikh liderov v politicheskoy zhizni Maverannahra XVI v.* [Sufi leaders' involvement in the political life of Mawarannahr in the 16th century]. IN: *Gasyrlyar avazy – Eho vekov*, 2019, no. 3, pp. 116-126.